

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Филологический факультет

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Сборник материалов VI (XX) Международной конференции
молодых ученых

г. Томск, 18–19 апреля 2019 г.

Выпуск 20

Под редакцией канд. филол. наук Е.О. Третьякова

Scientific & Technical Translations

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Томск 2020

ОБРАЗ ЛУКИ В ДРАМЕ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Бутусова Ю.А.

Томский государственный университет, студент

THE IMAGE OF LUKA IN M. GORKY'S "THE LOWER DEPTHS" AS A PROBLEM OF TRANSLATION

Butusova Y.A.

Tomsk State University, student

В статье рассматривается проблема реконструкции художественного образа Луки как центрального персонажа драмы М. Горького «На дне» в англоязычных переводах начала XX в. Художественный образ изучается как единица-гипероним, определяются его структурные компоненты. Выявляется специфика художественного образа Луки, его роль в развитии авторской мысли. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ трех англоязычных переводов пьесы «На дне» с выявлением наиболее адекватного варианта переводческой реконструкции художественного образа Луки.

Ключевые слова: художественный образ, Лука, единица-гипероним, сравнительно-сопоставительный анализ, реконструкция эстетического комплекса.

This paper focuses on reconstructing the image of Luka from M. Gorky's "The Lower Depths" in English translations. The image is studied as a hyper-unit; its structural components are defined. The specific nature of Luka's image, as well as his role in developing the author's idea is defined. The comparative analysis of three English translations of M. Gorky's drama allows defining the most adequate reconstruction of Luka's image in translation.

Key words: image, Luka, hyper-unit, comparative analysis, reconstruction of an aesthetic complex.

*Научный руководитель:
Горенинцева Валентина
Николаевна, канд. филол. наук.*

Согласно гипотезе Л.Я. Гинзбург, литературный персонаж представляет собой серию последовательных появлений или упоминаний одного лица, изображение его действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях [1]. Художественный образ персонажа не привязан к определенному фрагменту текста, его развертывание происходит на протяжении всего произведения через взаимодействие языковых средств разных уровней. Такие системно-структурные характеристики позволяют рассматривать образ персонажа как единицу-гипероним, состоящую из гипонимических элементов. Это позволяет нам и в переводоведческом аспекте рассматривать художественный образ как гиперединицу, многоуровневая природа которой будет определять стратегии перевода. При этом от переводчика требуется воссоздать эксплицитные и имплицитные связи, чтобы добиться наиболее точной реконструкции информационно-эстетического комплекса, каким является образ персонажа.

Образ Луки — один из самых неоднозначных в системе персонажей драмы М. Горького, о чем свидетельствуют полярные отзывы как современников драматурга, так и более поздних критиков. Так, в статьях В.В. Воровского, Б.А. Бялика Лука определяется как «шарлатан гуманности», «проповедник утешительных иллюзий» [2]. В то же время, для С.А. Адрианова и А. Кугеля Лука — это «облика Христова суть» [3]. Возможность существования множественных трактовок персонажа заложена уже в его имени. С одной стороны, имя «Лука» соотносится с апостолом Лукой, рассказывавшим людям о земной жизни Господа. Появившись в ночлежном доме, Лука предлагает ее обитателям следовать христианской философии человеколюбия, старается дать им успокоение и надежду. С

другой стороны, нельзя не заметить явную ассоциацию имени с прилагательным «лукавый» (в молитвах традиционно под лукавым понимали дьявола-искусителя и зло как таковое). Действительно, до конца пьесы Лука остается неясным, противоречивым персонажем, спасительная ложь которого оборачивается для обитателей ночлежки трагическим концом. Любопытно, что изначально Горький создавал Луку как отрицательного персонажа. Однако уже после первой постановки драматург признавался, что никак не мог ожидать обратной реакции критики, и предположил, что недостаточно хорошо проработал образ.

По мнению О.В. Богдановой, своих героев Горький делит на три группы: во-первых, это обитатели ночлежки — язычники-дикари, которые, как и дикари из «Пещеры» Платона, руководствуются только чувственным восприятием и не могут перейти в мир реальный, на другом полюсе [4]. Во-вторых, Сатин, носитель новой философии Человека, творец собственной жизни. Лука является серединным звеном, транслирующим идеи христианства и связывающим язычество с новой философией. Как известно, Горький относился к христианству с недоверием и непониманием, что нашло отражение в созданном им образе странника Луки.

Лука появляется в ночлежке внезапно, ничего не рассказывает о своей прежней жизни, постоянно уходит разговор в сторону, отшучивается, дает абстрактные советы другим героям. Его речь иносказательна, насыщена метафорами, фольклорными элементами, однако при этом отличается отрывочностью и умолчаниями, так что никто не может сказать наверняка, говорит ли Лука правду или лжет. Для создания такого неоднозначного образа Горький использует различные художественные и языковые средства, наиболее

репрезентативными из которых являются описание внешности, номинации, самономинации и речевые характеристики героя, которые формируют информационно-эстетический комплекс, представляющий непростую задачу для переводчика.

Мы обратились к трем ранним английским переводам драмы М. Горького: «A Night's Lodging» Э. Хопкинса (1905 г.), «The Lower Depths» Л. Ирвинга (1911 г.) и Дж. Кован (1923 г.) и провели сравнительно-сопоставительный анализ переводов для определения наиболее удачной реконструкции художественного образа персонажа.

Лука появляется ближе к середине первого акта. В авторской ремарке («Наташа входит. За нею — Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса» [5, с. 22]) Лука предстает в образе путника или странника, который ищет себе пристанище и носит с собой лишь самое необходимое. В лексеме «странник», которая впоследствии становится ключевой в самономинации Луки («Все мы на земле странники... Говорят, — слышал я, — что и земля-то наша в небе странница» [5, с. 28]) реализуется одновременно несколько сем — странник как человек, путешествующий пешком, странник как бездомный и гонимый человек, а также человек, идущий на богомолье по святым местам [6].

В описании внешности Луки Э. Хопкинс выбирает лексемы «staff» (сопоставимо с русским «посох»), «sack» (небольшой мешок, котомка) и стилистически маркированную лексему «girdle» (обозначение элемента религиозного одеяния). Подобный подбор лексем в переводе сразу же формирует образ Луки-богомольца, странствующего по святым местам. Свое видение Луки Хопкинс эксплицирует, переводя самономинацию «странник» как «pilgrim», т.е. человек, отправившийся в путешествие из религиозных соображений [7]. Это подтверждает его выбор при переводе фразы «земля-то наша в небе странница» — «our earth is only a pilgrimage to Heaven's gate».

В переводах, выполненных Л. Ирвингом и Дж. Кован, в основном, используются нейтральные лексемы «pack», «belt» и «stick», «bundle» и «waist» соответственно. Для перевода лексемы «странник» Л. Ирвинг и Дж. Кован используют вариант «tramp», реализующий социальную семантику (бродяга, человек без постоянного места жительства), но не семантику духовного. Вместо возвышенных «Heaven's gate» Хопкинса у Ирвинга и Кован мы находим нейтральные «skies» и «universe». В каждом из переводов образ Луки претерпевает определенные трансформации, однако в переводе Хопкинса задается определенный вектор в восприятии Луки как богомольца, паломника.

На уровне синтаксиса образ конструируется при помощи фигур умолчания, недомолвок, односоставных и эллиптических предложений, коротких предложений с простым синтаксисом, повествовательных вопросов. Самый яркий пример — монолог Луки, обращенный к Актеру, в котором Горький пять раз использует многоточие. Подобная недосказанность свидетельствует о том, что Лука «лукавит», осторожно подбирая слова. В переводе Хопкинса количество многоточий сокращается, как и в переводе Ирвинга. Кован же заменяет все многоточия на тире, что делает речь Луки похожей на телеграфную: Лука не жлет, а торопится донести информацию.

Другой особенностью речи Луки является обилие просторечия: «ну, чего?», «нынче», «слышь», «браток», «лечебница», «ну-ка вот, валяй!». В своем переводе Хопкинс никак не передает разговорный стиль речи: использует грамматически правильные конструкции, нейтральную или даже книжную лексику. Кован также использует немаркированную лексику в своем переводе, не отражая разговорный характер речи Луки. Ирвинг же передает особенности речи Луки, используя графические и лексические средства стилизации просторечия: «fer nothin'», «'ospital», «cure 'em fer nothin'», «...It's recognised, yer see».

Таим образом, во всех переводах образ Луки претерпевает определенные трансформации, которые оказываются наиболее выраженными в переводе Хопкинса. Используя книжную лексику, синтаксически правильные предложения, лексические соответствия, сужающие вариативность интерпретаций персонажа, Хопкинс изначально задает определенный вектор в восприятии Луки читателем. Переводы Лоуренса Ирвинга и Дженни Кован в большей степени соответствуют авторскому замыслу, однако в ряде случаев и их переводческие решения нельзя назвать удачными.

Литература

1. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. — СПб., 1977. — С. 273.
2. Бялик Б.А. Судьба Максима Горького. — М., 1968. — С. 390.
3. Адрианов С.А. «На дне» Максима Горького. — СПб., 1997. — С. 633.
4. Богданова О.В. Образ старца Луки в пьесе М. Горького «На дне». — СПб. : Вестник ВГУ. Серия: филология. журналистика. — 2016. — № 2. — С. 22.
5. Горький. М. На дне. — М., 1902.
6. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. — М., 2010. — URL: <http://ozhegov.textologia.ru>.
7. Oxford Dictionary [Electronic resource]. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com>.